

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ,
БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

Б. В. Базаров

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МАНЬЧЖОУ-ГО**

УРЖИН ГАРМАЕВ

Научный редактор
д-р ист. наук, профессор Л. В. Курас

Издательство Бурятского научного центра СО РАН
Улан-Удэ 2001

УДК 947
ББК 63.3
Б172

Рецензенты

д-р ист. наук, проф. *С. И. Кузнецов*
д-р ист. наук *В. Ц. Ганжуров*

Базаров Б. В.

Б172 Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев. –
Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
ISBN 5–7925–0073–8

Данная публикация посвящена жизни и деятельности известного лидера бурятской белой эмиграции Уржина Гармаева. В работе широко использованы архивы ФСБ РФ, которые представляют интерес для исследователей, занимающихся политической историей монгольских народов в первой половине XX века.

ISBN 5–7925–0073–8

Б 0503020000–7 Без объявл.
042(02)5–2001

© ИМБиТ СО РАН, 2001

© Б. В. Базаров, 2001

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2001

30 августа 1945 года в г. Чанчунь сдался в плен начальник военного училища г. Ванмяо генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев. Контрразведка Смерш Забайкальского фронта уже располагала на него установочными данными, и он немедленно был подвергнут аресту. В доме арестованного был произведен обыск с целью изъятия оружия. Оно представляло из себя небольшой реестр: 4 сабли в чехлах, 3 разных ножа и национальный обряд с отделкой из белого металла, которые были сданы в комендантское отделение Управления контрразведки Смерш. Кроме этого, были изъяты ценности: 3 слитка серебра, 7 разных орденов и денежная валюта в сумме 106000 гоби¹.

Это один из маленьких эпизодов завершившейся великой драмы XX века – Второй мировой войны. Сотни тысяч этих фрагментов в том или ином исполнении можно было увидеть за этот сжатый период практически по всему миру, но нас он заинтересовал по той причине, что в человеке, подвергнувшемся аресту, мы видим личность незаурядную, в которой как в капле воды отразилась противоречивая история 1920–1930-х годов.

Когда-то великий Шолохов оставил главного героя в финале своего произведения рыдать на обильно политой кровью и потом, но родной, по-весеннему просыпающейся земле. Но что станет с этим героем или изгоем – он так и не ответил, предоставив его самому себе в лавине горьких и тяжелых чувств. Надо сказать, что правдивость образов советского писателя настолько сильна и пронзительна, что поневоле ищешь сходные судьбы в безбрежной российской истории первой половины XX века, исполненные большой драмы и романтизма. Великие русские революции нивелирующим рубанком прошли по шероховатому древу исторических судеб народов, снося на своем пути всякие предубеждения веков, нещадно выравнивая новые направления в исторических предначертаниях человечества. Густо настоянная на гуманистических идеях прошлого, великая эпоха социальных экспериментов менее всего считалась с судьбой среднего человека, его маленькими интересами, мирком, в котором ограничивались до поры до времени жизненные устремления миллионов людей. Судьба Григория Мелехова имела

сотни разных продолжений, и почему-то представляется, что одно из них можно увидеть и в истории значительной группы самых рядовых представителей небольшого сибирского народа, логикой времен втянутого в водоворот богатого событиями века.

Имя Уржина Гармаева в настоящее время трудно поддается исторической оценке. В этом было бы неправильно винить утвердившиеся в нас стереотипы восприятия, унаследованные политической методологией недалекого прошлого. Нужно понять и силу мотивов патриотизма, заставляющих героическое прошлое страны воспринимать в определенных интонациях, и закономерности исторического процесса 1920–1950-х годов. Существует и множество других обстоятельств объективного и субъективного плана, но понятно только то, что фигура этого политического деятеля, пусть даже и открытого противника Советской власти, должна быть оценена по достоинству, тем более, что одна малоизвестная история части бурятского народа, попавшего в вынужденную эмиграцию, была связана именно с его именем. Осложняет подходы к общим оценкам и то обстоятельство, что в страницы истории сибирских народов вписываются новые строки, которым еще надо будет найти место, определить роль этих новых пластов, значение не только для науки, но и для жизни народа.

Уржин Гармаев, по данным архива ФСБ, родился в 1889 году в с. Макарово Красноярского уезда². В воспоминаниях современников на этот счет есть некоторые разногласия. Существует мнение, что родился он на территории современного Борзинского района. Возможно, что Уржин Гармаев сам назвал для записи в паспорте место рождения Красноярский край, для того чтобы отвести пристальное внимание органов госбезопасности от многочисленных родственников, оставшихся на Родине.

До 1917 года его биография мало чем отличалась от судеб десятков и сотен других представителей национальной интеллигенции, посвятивших себя благородной миссии – образованию народа. В 1912 году он оканчивает в Чите реальное училище и

экстерном сдает экзамены, получив почетное звание народного учителя. С 1912 по 1918 год он учительствовал в монгольских школах, преподавая монгольский и русский языки. В качестве учителя он начал работу в Борзе в Шенусутаевском, затем в Нижнетонтаевском, Догойском и непродолжительное время в Верхнетурчинском училищах. В этот период произошло довольно примечательное событие – Уржин Гармаев вступил в партию социалистов-революционеров, когда проживал в с. Догойск. Начальник уезда, в котором жил тогда У. Гармаев, вдруг сделал свой политический выбор, и целое село вступило в эту организацию. Тем более не мог остаться в стороне преподаватель русско-монгольского языка. Он так и не разобрался до конца в политических установках этой партии, хотя и состоял в ней до мая 1918 года, после чего ушел на работу в штаб атамана Семенова³. Кроме этого эпизода (кстати, не повлиявшего кардинальным образом на его судьбу), архив доносит до нас сведения об его достаточно высоком уровне преподавательской работы. Знание им языков оценивалось высоко, и понятно, почему уже на закате своей жизни он с гордостью говорил, что русским и монгольским языками он владеет в совершенстве. В дальнейшем его знания пополнились еще несколькими языками. Его выдвижение в период после Октябрьской революции, именно ввиду личной одаренности, нельзя считать случайным.

В начале 1918 года Уржину Гармаеву была поручена весьма ответственная миссия. Группа влиятельных лидеров Аги и верхушка Цугольского дацана поручили ему провести переговоры с атаманом Семеновым на предмет выявления особой роли последнего в разворачивающихся событиях в Забайкалье. При согласии Семенова на предложенные условия были обещаны материальная поддержка и мобилизация людских ресурсов. Сам Уржин Гармаев описывал эти события, неожиданно свалившиеся на него, следующим образом: «В феврале–марте 1918 года кулацко-ламская верхушка Цугольской волости Читинского уезда собрала собрание (на которое был приглашен и я), которое постановило, что меня, как знающего русский язык, направить в штаб атамана Семенова. Выполняя это решение, я

вместе с Дылык Цыреновым (в другом месте он называет его Дылыков Цырен. – Прим. авт.) посетил отряд Семенова в г. Маньчжурия. Атаман Семенов принял меня в гостинице “Метрополь” и с той встречи я поддерживал связи с Семеновым до января 1920 года»⁴. Разговор сразу принял совершенно конкретный характер.

После передачи послания атаман поставил вопрос о методах и путях возможного участия бурят в его движении и, главное – о перспективах развития событий: «В борьбе против большевиков Вы, буряты и монголы, должны помогать мне и капитал свой в Бурятии не оставляйте, переведите в Монголию и собирайте людей в мой отряд для борьбы против большевиков»⁵. Семенов пояснил, что он будет со своим отрядом выступать против большевиков, что на его сторону перешла часть русского офицерства и от кулацко-ламской верхушки требуется поддержка в период его выступления и во время следования отряда по монгольским маршрутам. Разговор по прибытии в Цугол был тотчас же передан ламе Шойдор Дылгырову, который подробно инструктировал отъезжавших на переговоры посланников, и практически с этого времени контакт агинской верхушки с Семеновым обозначился определенно⁶.

В мае 1918 года отряд Семенова начал продвижение в Монголию, и атаман затребовал в распоряжение своего штаба представителя Аги. Им оказался Уржин Гармаев. Круг обязанностей, судя по его информации, не был слишком утомительным. Он отвечал за корреспонденцию, которая составляла обоюдную переписку атамана Семенова и группы его поддержки в Аге, также способствовал получению оружия для формирования воинских подразделений. Кроме этого, он возглавлял агитационную работу в уже созданных и вновь создающихся воинских формированиях бурят-монголов, в основе которой лежало разъяснение целей и задач борьбы с Советской властью. Помощь в войсковых операциях он отрицал, поскольку, по его словам, в основном, был занят штабной работой. Был только небольшой эпизод, когда в мае 1918 года он участвовал в боях против частей Красной Армии за с. Бырка. Там была проведена

незначительная военно-разведывательная работа. Войдя в село, семеновцы практически не обнаружили гражданского населения, которое ушло вместе с красными. В это время начался артиллерийский обстрел села со стороны красных, и пришлось срочно отступить⁷.

Однако Уржин Гармаев был членом и карательных экспедиций. В сентябре 1918 года в составе вооруженной группы сотника Пчелина имел непосредственное отношение к разоружению и грабежам населения сел Чильгинтуй, Алданда, Бырка, Курунзулай. За время экспедиции отрядом было отобрано около 50 винтовок, реквизирован скот и строевые лошади, производились массовые ограбления⁸. По описанию Гармаева, на ст. Барка ими был задержан большевик Селезнев, но после данного им слова более не сотрудничать с большевиками был из-под стражи освобожден. В с. Курунзулай имело место избиевание какого-то старика, обвиненного в краже. У него нашли несколько седел, которые принадлежали монгольскому соединению в составе войск атамана. Видимо, эта акция была чем-то вроде пропагандистского демарша⁹. По-другому этот пароксизм демонстрации силы над стариком и величия новой власти объяснить никак невозможно.

За время штабной работы он познакомился практически со всем окружением атамана Семенова, со многими из них судьба свела его и в более позднее время. Среди них – заместитель атамана, генерал-майор Шильников, представитель атамана, генерал-лейтенант Бакшеев, начальник штаба, полковник Наувалов, комдив Даурской дивизии Жуков и др.¹⁰

Из-за недостатка военного образования он поступил в офицерскую школу командиров атамана Семенова с перспективой, по его словам, возглавить руководство бурят-монгольскими частями. Эта школа была образована в Даурии. К тому времени было сформировано 2 бурят-монгольских полка, которые подчинялись атаману Семенову и находились на ст. Даурия. Одновременно с учебой в офицерской школе он занимается военным обучением новобранцев-бурят и проводит агитационную работу среди бурят-монгольских солдат, проповедуя идеи панмонго-

лизма о необходимости создания единого Монгольского государства, в которое вошли бы Внутренняя Монголия, Внешняя Монголия и Бурят-Монголия¹¹.

Сроки обучения были достаточно скоротечны, и уже в апреле 1919 года Уржин Гармаев, окончив школу в чине прапорщика, ведает интендантскими делами, а затем становится офицером для особых поручений при Бурят-Монгольской Народной думе, заместителем начальника военного отдела Бурнардумы. Круг вопросов, которые он курирует, остался практически прежним: продовольствие и обмундирование для воинских частей. В декабре 1919 года он откомандирован в распоряжение Крымского дивизиона, дислоцированного в районе Троицкосавска¹². Связь с дивизионом была по каким-то причинам прервана, и Уржину Гармаеву было предложено работать в качестве официального представителя.

Дальнейшая судьба У. Гармаева связана с завершением гражданской войны, неудержимыми победами Красной Армии, социально-политическими процессами, принявшими необратимый характер. И все же примечателен эпизод, который завершал его взаимоотношения с Семеновым и вообще его российский период биографии, мало известный в истории. В последних числах декабря 1919 года положение значительно осложнилось в связи с наступлением Красной Армии, и в это же время началось наступление монгольских и китайских частей. Уржин Гармаев срочно выехал в расположение монгольских частей в г. Маймачен с целью предупредить их о присутствии в г. Троицкосавске Крымского дивизиона. Сейчас трудно понять мотивы действий У. Гармаева, но у Крымского дивизиона не было никаких шансов, и сдача в плен монгольским частям – единственное решение, избавлявшее его солдат и офицеров от более сложной судьбы. Но монгольские соединения не вошли в Троицкосавск. Состоялись переговоры монголов с китайскими частями, в ходе которых была достигнута договоренность о переходе китайских частей через границы с Россией. В январе 1920 года Крымский дивизион капитулировал, и г. Троицкосавск был занят китайскими войсками. Политический маневр

монгольского руководства совершенно понятен, и логика их действий против китайских частей заметна только с позиций ретроспективного взгляда на развитие исторических событий в Центральной Азии¹³. В принципе этот необдуманный шаг китайцев в дальнейшем мог послужить поводом к обострению отношений с Россией и опосредованно вести к освобождению Монголии в направлениях суверенизации этого государства и политической эмансипации.

Но все это уже в меньшей степени интересовало солдат и офицеров бывшего Крымского гарнизона. Уржин Гармаев вместе со своим знакомым в этом же месяце перешел границу в местечке Шамор и эмигрировал в Монголию. Оттуда он вновь перебрался на территорию Советской России, «пробрался в свою юрту, находившуюся в устье р. Ульзы, близ казачьего поселка Кулустай в 10 км от маньчжурской границы»¹⁴. В 1921 году он был вынужден переселиться в Маньчжурию и принять маньчжурское подданство. По понятным мотивам ему было совершенно необходимо подготовиться к нелегкому длительному и практически безвозвратному пути в далекие страны, где он серьезно намеревался развести сельскохозяйственных животных. «После побега из Советской России я поселился в Шэнэ-хэнском хошуне Хулун-Буирского округа (Маньчжурия) и стал заниматься скотоводством. В это время я имел 100 голов мелкого рогатого скота, 5 голов крупного рогатого скота и 15 голов лошадей с молодняком. В этом же хошуне поселилось еще около 200 бурят-монгольских семей, бежавших из Советской России»¹⁵.

Послереволюционный период весьма примечателен для России историей политической эмиграции. Бурятию также не миновал этот тяжелый процесс, который связан с формированием «шэнэ-хэнской бурятской эмиграции». Небольшая группа эмигрантов, выходцев из Бурятии, расположилась в местности Шэнэ-хэн в 30 км от г. Хайлар в период первых обострений на межнациональной основе еще после революции 1905–1907 годов. Не случайно само место стало носить название, которое в переводе обозначает «новенький». Вероятно, оно стало симво-

лом первого поколения переселенцев, способствовало новым устремлениям, возможно, новенькими они оказались среди уже утвердившихся в этих местах групп населения. Однако события в дальнейшем развиваются так, что известные религиозные авторитеты стали предсказывать тяжелое будущее своему народу, убеждать в невозможности выживания бурят в условиях агрессивного господства белой расы и массовой перекочевки русских на бурятские земли, фактически толкая к переселению большие группы бурят¹⁶. Эти пророчества все чаще начинают вспоминать в период нарастания кризиса общества. Исключительным фоном к этому стала переселенческая политика Столыпина и создание системы чересполосицы. С этого момента эмигрантская волна быстро нарастает, особенно в период мировой, а затем и гражданской войн. В составе беженцев были люди самых разных сословий и состояния. Был значительный слой состоятельных людей, бывшие казаки, обедневшие сородичи, небольшая часть интеллигенции и ламаистского духовенства.

Только время поможет нам понять глубину национальной трагедии России, наверное, прежде всего, выразившейся в состоянии этих людей, вынужденных вопреки злему року противостоят ему собственной волей, выдержкой и даже отвагой. Это удивительнейшая амальгама самых противоречивых чувств. Большинству из покинувших страну было не за что любить новый государственный строй, который даже не благословил их на далекое путешествие, обрекал на положение изгоев, которым еще далеко не всегда удавалось найти пристанище в незнакомых и не всегда приветливых краях. И вместе с тем навсегда осталась боль утраченной Родины, смешанное чувство несправедливости, рока и жестокой предопределенности судьбы. Эмигрировавшая часть населения, несмотря на то что рассеялась на огромных просторах Центральной Азии, стала быстро примыкать к Маньчжурии и сопредельным ей территориям. По предварительным подсчетам, это было несколько десятков тысяч человек (напомним, численность бурят к моменту образования БМАССР превышала немногим 300000 человек). Шэнэхэнская эмиграция представляла собой удивительную смесь межродово-

го и межплеменного деления, доходившего до тяжелых внутренних распрей по земельным, экономическим и политическим вопросам. Буряты попали в весьма сложную структуру управления. Шэнэхэн был единственным бурятским хошуном из 18 хошунов Барги и, кроме этого сложного обстоятельства, имел прямое управление от вороватых амбаней, которые, впрочем, и не утруждали себя излишней щепетильностью по отношению к беженцам, видя в них свои особые источники доходов.

К чести У. Гармаева надо отнести его деятельность по консолидации этого разрозненного, состоявшего из различных родов и племен, состава, который, как выяснилось, не объединяла даже прямая угроза агрессивных действий соседей. Уже с 1921 года он был заместителем, а с 1926 года – начальником (угурдой) хошуна. Эта должность была получена им после смерти весьма уважаемого, но престарелого угурды Абида Раднаева¹⁷. В обязанности «густа» входило исполнение административно-судебных функций, а также установление взаимоотношений с местными властями. Фактически в этой должности он объединяет всю бурятскую эмиграцию уезда и контактирует со всеми эмигрантскими и иностранными структурами. Гармаев сумел наладить контакты не только в Барге, но и по всей Маньчжурии на большом протяжении коммерческих трактов. По показаниям Дутара Тапхаева, он становится богатейшим человеком в измерениях того времени и той обстановки¹⁸. Сам У. Гармаев рассказывал, что занимался сельским хозяйством, однако, на наш взгляд, это не исчерпывающее объяснение, поскольку его доходы все же были связаны с административной и политической деятельностью. Эта работа не складывалась гладко, характер его современники оценивали как весьма сложный и противоречивый. Небезызвестный Дутар Тапхаев отмечал его гордость, самолюбие, смелость, недоверчивость и в то же время способность к разгульности и несдержанности¹⁹.

Свое умение формировать воинское подразделение и руководить им он проявил уже в 1928 году. Кстати, и здесь проявилось постоянное стремление к самостоятельности, выражению собственной воли нашего героя. Дело в том, что бурятская и

монгольская группы эмигрантов готовились к обострению развития политической ситуации в Барге. Большая группа баргутских племен во главе с молодым и пылким лидером Мерсе готовила вооруженное выступление с целью провозгласить независимость Барги от Китая. Этот процесс, каким бы прогрессивным он ни казался, нуждался в более четкой организационной и политической подготовке. Не случайно внешнеполитические ведомства СССР, представители советской контрразведки, бурятские группы бывших панмонголистов (к этому времени они придерживались устойчивых просоветских позиций) сдерживали нетерпение лидеров Баргинского восстания²⁰. И когда сделать это не удалось, они пытались скорректировать сроки выступлений.

Баргинское восстание – это особая и еще неописанная страница политической истории Центральной Азии в 1920–1930-е годы. Вспыхнувшее ранее намеченных сроков, не имевшее достаточной военно-технической и материальной подготовки, восстание потеряло темпы своего развития, было локализовано и в скором времени подавлено Китаем самым жестоким образом. Уржин Гармаев в этой ситуации очень четко выполнил задание властей. Практически мгновенно сформировал вооруженный отряд, не допустил развития неконтролируемой ситуации не только в своем, но и в окружающих хошунах. Затем он принял активное участие в подавлении восстания²¹.

Но его положение по ряду причин не упрочилось, хотя, казалось бы, услуги, оказанные им Китаю, несомненно должны были укрепить положение Шэнэхэна в политическом положении. Но дело в том, что, по мнению части бурят-эмигрантов, Уржин Гармаев слишком заигрывал с русскими поселенцами и тунгусами, которым при распределении покоса выделил лучшие земли. В результате продолжительных споров он был отстранен от должности угурды. На это место были назначены другие люди²². Хотя в своих показаниях он так оценивает сложившуюся обстановку: «В связи с тем, что работа “густа” отнимала много времени и я не имел возможности уделять достаточное время своему хозяйству, в 1928 году я ушел в отставку, передав

свою должность Мендухову Межиду»²³. Буквально через некоторое время последовали события, которые вынудили шэнэхэнцев вновь обратиться к Уржину Гармаеву с просьбой вернуться к службе. Первоначально в Шэнэхэне появились русские партизаны во главе с Зыковым, которые вели себя враждебно и взяли заложников. Переговоры с ними мог проводить только Уржин Гармаев. Вскоре повторилась подобная ситуация, когда банда Номоконова стала грабить и убивать монголов. Не лучшим образом развивалась ситуация с даурами. Все чаще появляются различные представители японцев: инженеры, учителя и др. Позднее многие из них вернутся уже совершенно в другой роли. Весной 1932 года он снова становится главой не только Шэнэхэна, но и, фактически, всей бурятской эмиграции²⁴.

В 1932 году состоялся государственный военный переворот в Маньчжурии, и образовалось марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с императором (ваном) Генри Пу-И. Как известно сейчас и как всем было понятно тогда, это государство было вызвано к жизни особыми интересами Японии, что и определило геополитические устремления, внешнеполитические установки и статус Маньчжурии. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 года Япония, обвинив китайцев в разрушении в районе Шеньяна (Мукдена) железнодорожного полотна принадлежащей ей Южно-Маньчжурской железной дороги, ввела вооруженные силы на территорию Северо-Восточного Китая. Китайские войска, выполняя приказ гоминьдановского правительства, не оказали сопротивления. В результате в течение нескольких месяцев японская армия, преодолев стихийное разрозненное сопротивление местного населения некоторых районов, практически беспрепятственно овладела всей территорией северо-восточных провинций Китая и объявила уже в марте 1932 года о создании «независимого» Маньчжоу-Го²⁵. Регентом-правителем временной администрации был провозглашен Генри Пу-И, который 1 марта 1934 года стал императором (ваном). Он был последним императором династии Цин, несколько веков правившей в Китае (1644–1911 годы, формальное отречение от престола состоялось в 1912 году)²⁶. Это государство просущест-

вовало с 1932 по 1945 год и занимало вместе с присоединенной в 1934 году провинцией Жэхэ территорию более 1 млн. кв. км, с населением свыше 30 млн. человек. Его столицей был выбран г. Чанчунь, переименованный в Синьцзин (Новая столица)²⁷.

Нет никаких данных об особой роли в этом перевороте белой эмиграции, но можно гипотетически предположить, что их устойчивые контакты с Японией были достаточно плотными, и уже одно это говорит в пользу того, что бурятская эмиграция могла сыграть не последнюю роль в разыгравшихся событиях, особенно в определении легитимности новой власти. Этот вывод согласуется и с дальнейшей судьбой Уржина Гармаева.

Хинганские провинции были присоединены к государству Маньчжоу-Го, и в них были созданы национальные монгольские части, насчитывающие 8 полков²⁸. Командование в полках состояло из монголов, однако существовала жесткая система японских инструкторов, которые по существу и руководили этими войсками. В феврале 1933 года Гармаев назначается начальником охранных войск Северо-Хинганской провинции Маньчжоу-Го и, минуя обычное чинопроизводство в военной иерархии, сразу же получает звание полковника²⁹. Как выяснилось, в этом ему помогли губернатор Хулун-Буирского округа Лин-Шэн и японский офицер подполковник Терета. При этом учитывалось не только общественное и экономическое положение самого Уржина Гармаева, но и его служба у атамана Семенова³⁰. Кроме этого, он особо отличился, когда, не поддавшись общим антияпонским настроениям, сначала спас от физической расправы, а затем укрыл группу японских инженеров, работавших в районе железных дорог. «В 1932 году, когда японские войска вели наступление в Маньчжурии, китайцы и маньчжуры были исключительно враждебно настроены к японским гражданам, находившимся в Маньчжурии – убивали их, уничтожали их имущество и пр. В конце ноября или в начале декабря 1932 года я, как начальник уезда Шэнэжэнского хошуна, предоставил убежище семи японцам – служащим японской лесной концессии “Джамянь”, находившейся в Хинганских горах близ ст. Ириктей. Китайцы сожгли дома этих семи японцев

и убили бы их, если бы им не удалось бежать и найти приют у меня. Этим японцев я взял под свою опеку и скрывал их в течение месяца – до прихода в Хайлар японских войск. После прихода японских войск эти японцы выразили мне свою благодарность и называли своим спасителем, – пояснял Гармаев, – факт укрытия и спасения мною этих семи японских граждан сыграл решающую роль в моей дальнейшей военной карьере, т. к. он говорил о моем дружеском отношении к японцам, и что мне, следовательно, можно вполне доверять»³¹.

После назначения на должность командующего охранными войсками Уржин Гармаев, в первую очередь, приступил к формированию штаба, а затем стал заниматься подбором офицеров из числа монголов для определения их на командные места. Эта процедура затянулась вплоть до осени 1933 года. Нужно отметить, что в числе командного состава подчиненных имелась значительная прослойка японских инструкторов-офицеров, а для участия в общем руководстве охранными силами была учреждена специальная должность советника при монгольских войсках. Этот пост японского советника занимал полковник Терреда. Примечательно, что многие годы спустя, находясь на допросах в органах государственной безопасности, он не смог назвать полного имени этого офицера.

Осенью 1933 года была проведена мобилизация мужчин бурят и монголов от 20 до 30 лет, проживающих в Маньчжурии, годных к военной службе. Это позволило У. Гармаеву сформировать под своим командованием 2 кавалерийских полка и роту железнодорожной охраны. В основном, эти войска дислоцировались на границе с МНР, и в их задачу входила организация военных конфликтов, особенно в зонах территориальных споров. На допросе в ноябре 1945 года он давал показания: «Вместе с этими войсками я должен был нести охрану государственных границ, созданную японцами государства Маньчжоу-Го, в районе населенных пунктов на советской территории: Абагатуй, далее по р. Аргуни до местности Боротолгой, населенного пункта Хэйсанту, Цурухайтуй, а затем на границе с Монгольской Народной Республикой в районе Халхин-гола.

В обязанности этих войск входило также производить задержания лиц, нарушающих границу, и советских разведчиков. Охрана границы неслась путем создания отдельных постов наблюдения, а также конного патрулирования границы. По указанию японских военных властей на границах часто моими частями провоцировались различного рода инциденты. Особенно часто такие инциденты происходили на границах с Монгольской Народной Республикой, где имелись спорные участки территории, не была точно обозначена граница. Подлинная связь этих инцидентов мне была не ясна»³².

Впрочем был и еще один существенный аспект, который, как пояснял Уржин Гармаев, не был предметом его личной деятельности – это разведывательная и контрразведывательная работы против СССР и МНР. «Разведывательной и контрразведывательной деятельностью против Советского Союза и Монгольской Народной Республики на участке расположения моего отряда занимался специальный отдел при штабе охранного отряда, именованный «осведомительным» отделом. Начальником этого отдела являлся японец Симада, затем с 1945 года японец Исаи. Этот отдел занимался подбором агентуры, ее обучением и переброской на территорию Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Он же руководил работой сети агентуры среди местного населения в контрразведывательных целях... Я непосредственного участия в деятельности этого отдела не принимал и о характере его работы не знаю. При мне все время находился военный советник, японец Казивара (в последнее время), и он являлся фактическим руководителем всей деятельности отряда»³³. Трудно комментировать подобные заявления, но имея некоторое представление о действии спецслужбы, можно с большой долей уверенности предположить, что созданные охранные полки должны были функционально нести на себе разведывательную нагрузку. Другое дело, что эту работу взяли на себя японцы. Таким образом, они использовали наличие войск Маньчжоу-Го в качестве официального прикрытия своей деятельности, преследующей далекие и понятные цели.

В числе важных задач охранного отряда было задержание разведчиков как советских, так и монгольских. За период пребывания в должности начальника отряда Гармаев припомнил 10 случаев взятия таковых. После ареста все они отправлялись в распоряжение военной миссии в г. Хайлар, а затем часть из них направлялась в распоряжение военной миссии в г. Цицикар. Из разговоров с окружающими, Гармаев владел информацией, что часть агентов перевербовывалась и с заданием перебрасывалась в Советский Союз³⁴. Какова была судьба остальных, приходится только догадываться. Контрразведывательная работа среди местного населения проводилась отделом информации, или как иначе называлось отделом сбора сведений (шымы соглолуха). Для этой цели вербовалась специальная агентура из числа местного населения. Основным контингентом лиц были демобилизованные солдаты из охранного отряда Уржина Гармаева. Сложность контрразведывательной работы заключалась в том, что население вело кочевой образ жизни, было малочисленным в районах пребывания. Задача, которая ставилась перед агентами, состояла в том, чтобы освещать политические и выявлять антияпонские настроения жителей, выискивать советских разведчиков. Таким образом, создавалось положение, когда Уржин Гармаев добивался все большего политического веса (риском сказать, такого у него никогда не было). Вместе с тем он все более становился заложником новой системы, втягивался в орбиту японского влияния, связывая свою жизнь долгом тяжелых обязательств – служение новым господам и борьба против страны, которую он недавно покинул. К сожалению, именно за эти заслуги Уржину Гармаеву в апреле 1934 года был пожалован чин генерал-майора маньчжурской армии³⁵.

Как командующий охранными войсками Уржин Гармаев с помощью своего штаба руководил боевой учебной и пограничной службой подчиненных ему полков. Ежегодно он выезжал в Чанчунь на совещания, где делал доклады военному министру Маньчжоу-Го, начальнику Квантунской армии и императору Маньчжоу-Го. Там же он получал инструкции и указания, которые по возвращении в Хайлар пересылал в полки. Ежегодно,

каждую осень, подчиненные ему войска принимали участие в маневрах, проводимых совместно с японской армией. Уржин Гармаев занимался агитацией среди бурят, призывая их честно служить стране, ставшей им родной, миролюбиво относиться к японцам.

В 1936–1937 годах он включается в работу международных конференций по уточнению границ между Монголией и Маньчжоу-Го. Ввиду крайних и полярно противоположных точек зрения успех на этих конференциях не был достигнут.

Кроме этого, он руководил военными операциями по розыску и разгрому китайских партизан, скрывавшихся в Хинганских горах. Как известно, в Маньчжоу-Го с 1932 года действовали многочисленные партизанские отряды, которые с 1935 года были объединены в Северо-Восточную объединенную анти-японскую армию, возглавляемую китайскими коммунистами. Однако к концу 1930-х – началу 1940-х годов большая часть отрядов была разгромлена японцами. Безусловно, свою роль сыграли и охранные войска, имевшие в своих округах разветвленную контрразведывательную сеть. Очевидно, это играло не последнюю роль при присвоении ему в 1938 году чина генерал-лейтенанта³⁶.

Как бы благоприятно ни разворачивалась военная карьера, всегда оставалось чувство обеспокоенности за будущее. 2 или 8 монгольских полков кавалерии были песчинкой в подготавливаемых событиях, монгольских командующих не ставили в известность по поводу происходящего, в ответственные моменты их просто устранили от руководства вверенными частями и подменяли японскими инструкторами. Но они видели ясно, что подготовка к войне с Советским Союзом идет полным ходом. Уржин Гармаев показывал: «Никаких официальных планов нападения на Советский Союз мне неизвестно, однако из личных наблюдений я могу сказать, что такая подготовка в Маньчжурии проводилась примерно с 1933 года. Начиная с 1933 года японцы на территории Маньчжурии развернули большое строительство. Мне известно, что в Северо-Хинганской провинции, где я все время проживал, в 1936 году строилась новая желез-

ная дорога, которая должна была соединить район Хайлара с Халун-Аршаном. Вдоль железной дороги Хайлар – Харбин возводились военные укрепления, причем наибольшая концентрация происходила на участке Якиши – Бухеду. Во всех пассажирских поездах, проходящих этот район, закрывались наглухо окна. Даже когда император Пу-и в 1942 году посетил Хайлар, то в его поезде окна в этом районе закрывались. Район Хайлара также являлся запретным участком, ибо там возводились военные укрепления. В районе Халун-Аршан строился укрепленный район, сосредоточивались войска и строился аэродром. Строительство секретных военных аэродромов происходило также в верховьях трехречья в Хинганских горах. Об этом мне рассказал знакомый белоэмигрант Андрей Погодаев, которого я встретил в 1940 году. Он рассказал, что работает в японской изыскательской экспедиции, которая подготавливает в горах площадки для строительства аэродромов»³⁷.

К сожалению, это лишь небольшая часть сведений. Из данных источников видно, что, действительно, рубежи обороны Японии подготовила исключительно сильно, но основной разворот оборонительных сооружений, конечно же, был осуществлен позднее после принципиального изменения военно-политической доктрины. При этом поразительно то, что даже командование монгольских войск Маньчжоу-Го практически ничего не знало о боевых действиях на границе с Советским Союзом. «О военных столкновениях в районе Ханко в 1936 году и в 1938 году в районе озера Хасан я почти ничего не знаю, слышал лишь, что такие столкновения были»³⁸. Уже из этих показаний видно, что японцы великолепно разыгрывали маньчжурскую карту, при этом твердо проводили свою военно-политическую доктрину, не особенно стесняясь реакции марионетного государства. Однако при этом сохранялись все атрибуты взаимно вежливого и уважительного отношения к объекту своего патронажа. Все это сопровождалось мощной агитационной кампанией. «Основной темой японской пропаганды являлось создание “новой порядка” в Азии, и наряду с этим проводилась активная антикоммунистическая, антисоветская пропа-

ганда. Основным источником пропаганды являлось созданное японцами общество “Сикохой”, что в переводе с китайского значит “мирное строительство”. Это общество использовало газеты и другие виды пропаганды... Мне в период 1939–1941 годов приходилось слышать, как подвыпившие японские офицеры распевали песенку, из которой я запомнил слова “от Северной Сибири до Памира”. Смысл песни сводился к тому, что японцы стремятся создать Японию от Сибири до Памира»³⁹.

Здесь необходимо оговориться, что Маньчжоу-Го являлось одной из наиболее милитаризованных и агрессивных стран на востоке Советского Союза. Совершенно понятно, что силы, вскармливавшие эту агрессивность, были иными, и прозрачность этого обстоятельства не нуждается в каких-либо особых пояснениях. Но вряд ли было легче от этого Советскому Союзу, который имел практически самые точные сведения о плохо скрываемых планах этого государства. За короткий период был установлен военно-полицейский режим, численность Квантунской армии увеличилась с 12 тыс. до 780, причем армия Маньчжоу-Го возросла до 170 тыс. человек. Все это сопровождалось активным военным строительством и беззастенчивым грабежом местного населения и эксплуатацией природных недр⁴⁰.

Достаточно осторожно, но твердо и определенно шла подготовка военного конфликта в районе р. Халхин-Гол. «Мне также известно, – говорил Гармаев, – что перед событиями у Халхин-гола японцы провели очередную мобилизацию в армию, но демобилизацию старших возрастов, отслуживших свой срок, задержали. Вот все, что мне известно по этому вопросу. Газеты эти события почти не освещали и явно старались сделать так, чтобы об этом было как можно меньше разговоров»⁴¹.

В 1939 году он участвует в боевых действиях против советских и монгольских войск в районе р. Халхин-Гол, командуя 2 кавалерийскими полками. «В период событий, происходивших в районе Халхин-гола, я являлся командиром пограничного отряда... Мне было поручено японским командованием обеспечивать охрану правого фланга войск генерал-лейтенанта Комацу-бара в районе южнее озера Буир-нур. Для выполнения этой

задачи мне в помощь была придана артиллерия. Лично я непосредственного участия в боях не принимал, но полки, входившие в состав моего отряда, вели бои...»⁴² Так несколько сбивчиво давал свои показания Уржин Гармаев. В ходе дополнительных показаний уточнялось, что в начале конфликта в июне месяце мало кто вообще имел представления о разворачивающихся событиях. «Каким образом или что послужило поводом к началу военных действий, мне неизвестно. В начале августа 1939 года японцы перебросили туда дивизию во главе с генерал-лейтенантом Комацубара. В этот же район были переброшены два моих полка, один из района озера Буир и другой из Хайлара. Должен сказать, что лично я от командования войсками по существу был отстранен и на передовую линию фронта допущен не был, а находился в глубоком тылу. Командование полками осуществляли японские инструктора, которые находились при полках»⁴³. И все-таки дело не в недоверии к Уржину Гармаеву и вообще к руководителям монгольских подразделений. Многое объясняется логикой развернувшихся событий.

Как известно, август был апогеем халхин-гольской эпопеи мая – сентября 1939, в которой яркой звездой на небосклоне засиял талант Г. К. Жукова. В наиболее ответственный момент битвы 10 августа 1939 года японо-маньчжурские войска были сведены в 6-ю армию под командованием генерала О. Риппо. В целях подготовки наступления, намеченного на 24 августа, началась перегруппировка японо-маньчжурских объединений. Этим обстоятельством мгновенно воспользовался Г. К. Жуков и нанес упреждающий удар 20 августа. Войска японцев были искусно поставлены в ситуацию расчленения и окружения. В этих условиях командование японцев было вынуждено до предела сосредоточить руководство в своих руках, уже не определяясь в вопросах сугубо политических. Читатель, безусловно, информирован о многих вопросах, связанных с историей битвы у Халхин-Гола, что во многом избавляет меня от обязанности ненужного пересказа событий. Хочу только отметить, что монгольские воинские подразделения в составе японо-маньчжур-

ской группировки не только получили боевое крещение, но и дорого заплатили за эту военную авантюру. «Подчиненные мне монгольские части потеряли около 100 человек убитыми и ранеными. После окончания боев на р. Халхин-гол оба монгольских кавалерийских полка были отозваны в Хайлар и с тех пор не участвовали в охране государственной границы»⁴⁴, – свидетельствовал Уржин Гармаев. Небезынтересное обстоятельство – на поле битвы монгольские части и с той, и с другой стороны противостояли друг другу. Только 2 полкам Гармаева противостояли 2 кавалерийские дивизии под командованием Чойбалсана. На правом фланге против северного охранного полка Маньчжоу-Го стояла 6-я, а на левом фланге против смешанной бригады – 8-я кавдивизии МНР. Кроме этого, действия советско-монгольских войск были мощно поддержаны артиллерией и авиацией. Впрочем, исход этой битвы несущественно повлиял на общественное и государственное положение Уржина Гармаева.

В советской исторической науке твердо укоренилось мнение о том, что битва при Халхин-Голе подействовала на внешнеполитический курс Японии настолько существенно, что удержала ее от наступательных планов против СССР в годы Великой Отечественной войны. Это мнение достаточно основательно, чтобы подвергать его какому-либо сомнению, верно и то, что Советская страна имела самые благородные намерения в моменты противостояния с Японией. Верность интернациональному долгу, которая выступала лейтмотивом внешнеполитических устремлений державы, стала великолепным политическим оформлением военных действий. Вместе с тем необходимо задуматься и о некоторых других причинах столкновений и задаться вопросом – так ли сильно проиграла Япония в стратегическом отношении по результатам битвы у Халхин-Гола, и попытаться коротко скорректировать некоторые оценочные суждения. Это нужно сделать и для постановки научной проблемы в целом, а в рамках настоящей публикации для того, чтобы понять судьбу, дальнейшую жизнь и деятельность генерала Уржина Гармаева.

Агрессия Японии в Северо-Восточной Азии, как бы гневно не было настроено общественное мнение, продвигалась семимильными шагами. Возможно, что и не было «меморандума Танаки», наличие которого стали оспаривать некоторые зарубежные историки, хотя практика внешней политики Японии соответствовала этому документу. Ситуация складывалась для Советского Союза и Китая настолько неблагоприятно, что Сталин и Чан-Кайши были вынуждены забыть всякие внутрикоммунистические распри. Позор гоминьдановского переворота и резня коммунистов 1927 года отошли на второй план по сравнению с угрозой национальных интересов на Дальнем Востоке. Дело в том, что без альянса с каким-либо стратегическим партнером могла произойти катастрофа. Гоминьдан практически спокойно отдал Маньчжурию Японии, поскольку был занят оживленной войной с Коммунистической партией Китая. В начале 1930-х годов состоялось 5 крупных военных походов против коммунистических революционных баз. Польшавшая гражданская война, проходившая с переменным успехом, пошла на убыль, и с противоборствующих сторон прозвучало требование о прекращении военных действий ввиду угрозы национальной безопасности и невиданного национального унижения страны⁴⁵.

Советский Союз вынужден был поощрять сближение противоборствующих сторон, и без этой позиции и значительных согласованных действий успех дела мог иметь более долгие хронологические рамки. Япония не смогла выгодно для себя разыграть непримиримость позиций Гоминьдана и КПК и приступила к реализации своих планов только тогда, когда внутреннее согласие в Китае уже было достигнуто ценой гигантских усилий Советского Союза. Таким образом, Япония попала в своеобразные стратегические клещи в Северо-Восточной Азии. Опережая консолидацию Китая, она была вынуждена пересмотреть свой политический план и в дальнейшем избрать южную стратегию военных действий. Любопытно, что на первых порах это направление было удобным для многих. США, Великобританию и Францию устраивало столкновение 2 крупнейших азиатских стран, поскольку значительно освобождался те-

атр тихоокеанской политики, в корне душилось социалистическое революционное пробуждение Азии, явно обозначилась перспектива очередного передела поделенного мира в мощных ресурсных перспективах. Многим из этих недальновидных чаяний не удалось сбыться.

Советский Союз обрел сильного стратегического партнера и, казалось, был уверен в том, что южная перспектива Японии обезопасит советский Дальний Восток. Для того чтобы избежать себя от появления пятой колонии, Сталин развязывает в Сибири и на Дальнем Востоке самые дикие репрессивные меры, чтобы исчез даже намек на какие-либо помыслы у Японии на внутреннюю нестабильность в стране. Это еще более укрепило китайскую политику, потому что именно здесь полыхала гражданская война.

7 июля 1937 года Япония объявляет войну Китаю и обрекает себя на длительные военные действия⁴⁶. Однако события разворачиваются в совершенно невыгодном направлении как для Советского Союза, так и для будущих стран антигитлеровской коалиции. За короткий срок Япония стремительно добивается успеха и развивает борьбу в режиме блицкрига. Армия Гоминьдана, насчитывавшая около 3 млн. человек, не смогла эффективно противостоять напору 400 тыс. армии Японии. В первый месяц войны японцы продвинулись в глубь страны более чем на 1000 км и захватили Пекин, Тяньцзинь и Северный Китай.

Со времен Чингисхана Поднебесная не испытывала такого чудовищного национального унижения, да и сам «Потрясатель Вселенной» вряд ли мог предположить такой быстрый прогресс. Несмотря на такое успешное развитие событий, война внезапно приобрела перспективы затяжного характера по ряду причин: во-первых, Гоминьдан продолжил войну и не проявил намерения капитулировать, во-вторых, исходя из интересов национально-освободительной борьбы, Коммунистическая партия Китая окончательно установила сотрудничество с Гоминьданом, образовав единый антияпонский Национальный фронт. В этот момент Советский Союз 21 августа 1937 года заключает с Кита-

ем договор о ненападении. И действия этого соглашения оказались не только непоколебимы, но несмотря на неблагоприятные условия расширялись с каждым годом. К концу 1938 года Япония захватила весь Северный Китай, значительную часть Центрального Китая, включая Шанхай (ноябрь 1937), Нанкин (декабрь 1937), Ухань (октябрь 1938), а также важные районы в Южном Китае, в том числе Гуаньчжоу (октябрь 1938). В этих условиях СССР остался предан избранной тактике и упорно продолжал верный политический курс. Советское государство стало поставлять в Китай самолеты, оружие, боеприпасы и другие военные материалы, предоставило в 1938–1939 годах несколько займов на общую сумму в 250 млн. долларов, направило военных специалистов (более 3,5 тыс. человек). Здесь сражались летчики-добровольцы, более 200 из которых пали смертью героев.

В силу сложившихся обстоятельств Япония была вынуждена скорректировать курс своей военно-политической стратегии, тем более, что ее основной партнер – Германия, пошел на неслыханное для японцев нарушение своих джентльменских обязательств и в обход ранее достигнутых договоренностей заключил с Советским Союзом «Пакт о ненападении», и как выяснилось, «Договор о дружбе и границах». Оскорбленное общественное мнение Японии стало последним основанием, чтобы перейти на фронте с советским Дальним Востоком к тактике строительства укрепленных районов и создания глубоко эшелонированной обороны.

В мае 1940 года на территории Северо-Хинганской и Восточно-Хинганской провинций был создан 10-й военный округ Маньчжоу-Го. Осенью 1940 года штабом Квантунской армии командующим был назначен Уржин Гармаев, и в этой должности он находится до 1944 года⁴⁷. В округ вошли бывшие охранные войска, кавалерийские, артиллерийские части, подразделения связи, транспорта и медицины. Штаб 10-го военного округа был в Хайларе, там же располагался штаб 6-й Японской армии, командующему которой подчинялся Гармаев, хотя официально находился под руководством военного министра Маньчжоу-Го.

На следствии У. Гармаев отрицал разведдеятельность против СССР, ссылаясь на особые и неподотчетные ему занятия японских инструкторов. «В период моей работы в должности командующего 10 военным округом Маньчжоу-Го в моем подчинении находился штаб округа, в составе которого имелся специальный отряд, именованный Отделом по сбору сведений. Этот Отдел занимался разведывательной и контрразведывательной работой, руководил работой этого отдела японский офицер Симада. Для своей работы Отдел по сбору сведений вербовал агентуру из числа наиболее способных солдат, окончивших срок службы и подлежащих увольнению в отпуск. Завербованные лица инструктировались сотрудниками Отдела по сбору сведений и направлялись в приграничные с Советским Союзом районы, где они с территории Маньчжоу-Го вели систематические наблюдения за всеми изменениями, происходящими на той стороне границы – о перемещениях войск Красной Армии, тактических учениях, полетах самолетов и т. п. Собранные разведывательные данные передавались в Отдел по сбору сведений. Перебрасывались ли эти агенты на территорию Советского Союза – я не знаю»⁴⁸. Сейчас уже невозможно подтвердить или опровергнуть позицию Уржина Гармаева.

Вполне допустимо, что режим секретности, в котором великолепно умели работать спецслужбы Японии, не мог позволить знать даже руководителю такого крупного подразделения охранных войск нюансы разведывательной деятельности на вверенной ему территории. Возможно, и сам генерал, зная сложный характер спецслужб Японии, просто не интересовался вопросами, в которые его сознательно не посвящали. Вместе с тем трудно поверить, что человек такого аналитического ума, на вверенной ему территории при небольшом количестве населения, не мог разобраться, куда исчезают люди, имеющие совершенно определенные наклонности, последние места работы или инструктирования. Почему-то не оставляет мысль о том, что многие тайны генерал унес с собой в могилу.

При этом он не отрицал контрразведывательную работу и даже тот факт, что подписывал десятки смертных приговоров

лицам, причастным к разведслужбе СССР. На вопрос, занимался ли он репрессированием антияпонски настроенных лиц и советских разведчиков, Уржин Гармаев отвечал пространно: «Да, занимался. При штабе 10 военного округа имелся военный суд, занимавшийся рассмотрением дел о политических преступлениях против империи Маньчжоу-Го и Японской империи – антияпонской агитации, партизанских выступлениях и т. д. Этот же суд рассматривал дела о разоблаченных советских разведчиках, некоторых воинских преступлениях и т. п. Я, как командующий округом, занимался утверждением смертных приговоров, вынесенных военным судом. Мною было утверждено около 30 смертных приговоров. Я не помню сейчас всех лиц, в отношении которых были утверждены смертные приговора – это были русские, китайцы и монголы, занимавшиеся антияпонской деятельностью или разведывательной работой в пользу Советского Союза. Так, например, мною были утверждены смертные приговоры бывшему полковнику семеновских войск – Семенову и хорунжию семеновских войск – Боничуку. Как Семенов, так и Боничук были расстреляны за то, что, проживая на станции Маньчжурия, проводили разведывательную работу в пользу Советского Союза. Помню также, что мною были утверждены смертные приговоры в отношении русских белоэмигрантов Ивачева и Сентянова, которые, являясь общественными деятелями русского поселка Трехречья, выступали и против японского оккупационного режима в Маньчжурии»⁴⁹. К сожалению, законы тоталитарного режима, тем более объединенного с суровой прозой войны, везде имеют одинаковые черты. Но в данном случае, конечно, весь смысл происходящих событий носит совершенно однозначный военно-полицейский характер в подавлении свободомыслия на оккупированной территории.

24 декабря 1944 года его освободили от командования и назначили начальником военного училища по подготовке монгольских офицеров в г. Ванемяо⁵⁰. Эту должность он занимал до момента пленения его войсками Красной Армии в Чанчуне. Здесь готовили младших и средних офицеров, а также унтер-офицеров всех родов войск. Хотя следователи пытались выяснить степень участия Гармаева в разведывательной деятельно-

сти, он ее упорно отрицал и показывал, что в г. Ванемяо в распоряжении военной миссии находилась засекреченная военная команда, которая именовала себя «53 отряд», личный состав которого составляли монголы под руководством японцев, и по предположениям, там, действительно, готовились разведывательные кадры. Но этот отряд дислоцировался вне училища⁵¹.

За добросовестную и усердную службу, кроме чина генерал-лейтенанта, он получил 3 ордена и 7 медалей⁵². Ему неоднократно вручались денежные премии. В должности начальника военного училища он служил до 10 августа 1945 года. «После начала наступательных действий частей Красной Армии от начальника военной миссии в г. Ванемяо полковника Ханагава получил приказ всем училищем отступать на Джан-Джа-Тун. Часть курсантов, т. е. инструкторский полк, передали из училища в распоряжение командира 2-ой дивизии... С училища я выехал на автомашине, но события заставили меня на ст. Байчинзе бросить автомашину и поездом поехать до г. Чан-Чунь. Где находится личный состав школы, мне неизвестно, они шли пешком и, куда пошли, мне неизвестно. Со мною вместе в Чан-Чунь прибыли инструктор училища, генерал-майор Хаттари и несколько офицеров, но они 16 августа 1945 года из города куда-то уехали или же скрываются, т. к. я их больше не видел»⁵³, – показывал Уржин Гармаев. Действительно, вряд ли кто мог ожидать такого стремительного развития событий.

В русле нашего исследования попробуем проследить последние шаги героя нашего повествования, и попытаемся не только определить логику событий, но и понять действия Уржина Гармаева, которые могут дать еще один штрих к оценке завершающегося периода самой великой войны человечества. Нет смысла давать какой-либо развернутый анализ Маньчжурской операции 1945 года, поскольку она исследована во многих подробностях. Показания Уржина Гармаева проливают свет на то, что далеко не все однозначно в понимании причин столь быстрого завершения военных действий. Становится расхожим положение о том, что только взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки, деморализовавшие японское руководство, привели к успеху союзнические войска. На самом деле из показаний

пленных в Маньчжоу-Го офицеров вообще не прослеживается их информированность о страшной трагедии, произошедшей на японских островах. Создается устойчивое впечатление, что офицеры предполагали, что советская военная операция будет мощной, но внутренние ощущения превысили размер допустимого. Действительно, армия, которая вышла победителем в самой кровавой бойне народов, должна отличаться умением воевать. В ней концентрированно объединяются умения и опыт полководцев, офицеров и рядовых, знания современной военной техники и тактики, преимущество в техническом оснащении и, главное, осознание важности и необходимости предпринимаемых действий.

Квантунская армия, даже в отличие от многих других подразделений японской военной машины, не была самым закаленным участником боевых действий. Разве можно сравнить опыт подавления партизанского движения с такими масштабными действиями, как Москва, Сталинград, Курская дуга, битва за Берлин. Такому блицкригу, как Маньчжурская операция, мог бы позавидовать самый выдающийся мастер. И надо понять тяжелые чувства воина, когда практически одновременно с моря, воздуха и суши наносится массированный удар по всем направлениям. 9 августа 1945 года в сторону Чанчуня, Харбина, Гирина наносится шквальный огонь по районам расположения войск, узлам связи и коммуникациям противника. Паника 10 августа была такова, что, получив приказ о выезде из Ванмяо в Чанчунь, Уржин Гармаев практически полностью потерял возможность какой-либо координации действий⁵⁴. Обратиться в бегство было невозможно, поскольку сложилась ситуация гигантского окружения. Уже 16 августа военные руководители пытаются самостоятельно определить свою судьбу и уходить из страны по известными или неизвестными каналами. Все это сопровождается невероятным переходом советских войск через Гоби и Большой Хинган. За небольшой промежуток времени перестали существовать калганское, солуньское и хайларское направления. 18 августа на деморализованные войска совершается большой выброс десантных войск в крупные административные центры Маньчжурии. Попытки контртак в районе Му-

даньцзяна прерываются в самые короткие сроки. 19 августа происходит массовая сдача крупной военной группировки Японии. Это еще надо очень серьезно оценить будущим поколениям – почему сильное государство, сцементированное военно-государственной мощью и дисциплиной, создаваемое и пестуемое в течение нескольких десятилетий, прекращает свое существование за несколько дней. Таким образом, исследователям предстоит еще не раз оценивать итоги Второй мировой войны и вклад всех народов в ее завершение.

Ровно через 24 года (2 монгольских цикла летоисчисления) Уржин Гармаев снова оказался перед ситуацией, до боли знакомой, но путь казался исчерпан. Судьба вновь жестоко обманула его, ставя перед новым выбором в обстоятельствах, еще более худших, в сравнении с тем, что выпали на его долю в далекой молодости. Лишенный подчиненных, до конца не выполнив свой офицерский долг, отдав последние приказы о капитуляции, брошенный своими советниками, которые ушли, даже не предупредив о своих планах, пребывая в смятении глубоко личном (ведь поиски генерала немедленно начались бы с его семьи и родственников), уставший от груза тяжелого и горького жизненного опыта, Уржин Гармаев появляется в коммандатуре советских войск.

30 августа 1945 года он был арестован, и ему было предъявлено обвинение по ст. 58-2, 58-4, 58-6, 59-11 УК РСФСР. Это разведработа против СССР, а также активное участие в вооруженном нападении на СССР⁵⁵. Опровергая всякую разведдеятельность, У. Гармаев не отрицал своей борьбы против Советского государства и даже в заключительном слове не просил пощады. Он только хотел, чтобы судьи учли то, что сдался в плен сам, а не был взят в бою. Юристам еще будет необходимо более подробно оценить обстоятельства уголовного дела, особенно, насколько оно вписывается в нормы Международного законодательства. Мог ли гражданин другой, пусть уже несуществующей страны Маньчжоу-Го, быть судим по советским законам, мог ли он вообще быть подсуден даже суду международного трибунала как военный преступник. Впрочем судьбы сотен тысяч военнопленных, как выяснилось в наше время,

можно также приравнять к этой еще одной несправедливой странице истории, прямому нарушению всех Международных конвенций и соглашений.

Долго ожидаемый суд состоялся 1 марта 1947 года⁵⁶. Закрытое судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР вел сам генерал-полковник юстиции Ульрих. «Шемакин суд», скорый и несправедливый, длился ровно 1 час. В 13 часов 35 минут Председательствующий открыл судебное заседание сразу по 4 частям 58 ст. УК РСФСР.

Председательствующий задавал, в основном, уточняющие вопросы, но не те, которые могли бы вызвать сомнение в следственных мероприятиях или в юридической логике постановочных вопросов. Это касалось его службы атаману Семенову, связи с партией эсеров, участия в боях против Красной Армии, работы на японцев и подчинения Маньчжоу-Го, о характере подписанных смертных приговоров советским гражданским лицам. Ответы подсудимого были кратки. Подтвердив правильность предъявленного ему обвинения и все показания, которые дал в ходе предварительного следствия он не согласился только с тем, что занимался разведывательной работой против СССР.

Он засвидетельствовал, что осуществлял связь между атаманом Семеновым и кулацко-ламской верхушкой, окончил офицерскую школу Семенова. Вместе с тем он отрицал свое участие в карательных экспедициях, в частности в составе отряда сотника Пчелина, в населенных пунктах Чильгинтуй и других, мотивируя тем, что он искал свои личные вещи. Трудно оценить подобное обоснование, но заседание не делало даже вялой попытки как-либо полемизировать по этому поводу. Не совсем понятным выглядит ответ об участии в партии эсеров. «В апреле 1917 года в Бурят-Монголии мой начальник вступил в партию эсеров, а потому все мы, подчиненные его, тоже считались членами партии эсеров. Но что это за организация, я так и не знал», – отвечал подсудимый. Наверное, история назовет немало примеров подобного неосознанного движения души, больше чем через край их знала история революций. Зная высокий уровень интеллекта, знаний и самостоятельность Уржина Гармаева, верить в эту версию приходится с большим трудом. К

тому же не секрет глубокое увлечение национальной интеллигенции Бурятии эсеровской программой, политической деятельностью. Свое продвижение на службе в Маньчжоу-Го он объяснял обстоятельствами сугубо механическими – призвали, назначили начальником, должность генеральская, вот и стал генерал-лейтенантом. Не опровергал он и то, что во главе всех монгольских подразделений участвовал в битве при Халхин-Голе, обеспечивая охрану правого фланга японских войск в районе южнее оз. Буир-Нур. Не отрицал, что участвовал в приговорах суда по вынесению смертных казней, мотивируя это функциональными обязанностями командующего.

Судебное следствие было объявлено Председательствующим закрытым, и в предоставленном последнем слове Уржин Гармаев сказал: «Что я могу сказать в своем последнем слове? Ничего, и поздно уже. Я прошу лишь учесть, что от органов Советской власти я не скрывался, а лично пошел в советскую комендатуру и ей вручил свою судьбу»⁵⁷. Этим самым он еще раз хотел подчеркнуть свой статус военнопленного, но уже сама интонация последнего слова не подтверждает того, что он ждал какой-то пощады.

В 13 часов 56 минут суд удалился на совет, в 14 часов 32 минуты он вернулся из совещательной комнаты. Председательствующий огласил приговор и разъяснил осужденному к высшей мере наказания порядок подачи ходатайства о помиловании. В 14 часов 35 минут судебное совещание было объявлено закрытым.

Итак, один час судебного процесса решил судьбу генерал-лейтенанта Уржина Гармаева. Этот отрезок времени намного больше того, что отводилось в 1937 году людям еще более колоритным и значимым. 15 или 20 минут для решения человеческой судьбы. И если были в истории суды рекордные по молниеносности решения, то вряд ли история знает и, не дай бог, повторит рекорд массовости псевдосудебной вакханалии жестокого времени политических репрессий.

Приговор суда признал доказанным виновность Гармаева в совершении преступлений по ст. 58-2, 58-4, и по совокупности

совершенных преступлений на основании ст. 58-4 УК РСФСР подвергнул его высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества. За несколько минут совещания из обвинительного приговора был изъят ряд положений. Было снято обвинение по ст. 58-6 – «Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам...» Перестала фигурировать ст. 58-11, т. е. не просматривались организационная деятельность и участие в объединениях, образованных для подготовки и совершения политических преступлений. Не упоминается в приговорной части ст. 58-2, которая гласила: «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства...» Пусть строгий читатель не взыщет с автора за чрезмерное цитирование известных законоположений времен не столь отдаленных, просто многим сейчас непонятно, что за знаменитая ст. 58 УК РСФСР. Не всегда хочется искать публикации того материала, которые даже нам исследователям проблем политических репрессий пришлось разыскивать с некоторым трудом. Я должен сказать, что не впадаю ни в какую полемику с историками права. Более того, готов выслушать все доводы в пользу более удачного изучения темы.

Приведение обширных цитат необходимо еще и потому, что есть сомнения и в правомерности применения ст. 58-4, которая гласит: «Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно на-

ходящимся под влиянием или непосредственно организованным буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой – лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики, и тем самым гражданства Союза ССР, и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества (6 июня 1927 года СУ № 49, ст. 330)».

Таким образом, речь идет только о гражданах Союза ССР. Поэтому логичен вопрос: «Какое она может иметь отношение к гражданину Маньчжоу-Го, тем более, что Уржин Гармаев никогда не был гражданином Советского Союза?». Я не вступаю в полемику с юристами, но, на мой взгляд, формулировки реабилитации Уржина Гармаева требуют большей шлифовки. И дело даже не в том, что кто-то ворошит прошлое. Точное знание даже таких частных обстоятельств еще более укрепит позицию власти нарождающегося правового государства, позволит поднять новые пласты в отечественной истории, полнее извлечь уроки прошлого.

Теперь уже неизвестно, просил ли помилование Уржин Гармаев. Возможно, последние строки: «Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит» оставили у него всякую надежду. 13 марта 1947 года приговор был приведен в исполнение в г. Москве⁵⁸.

Имя Уржина Гармаева было надолго вычеркнуто из анналов российской истории, даже всплеск демократии 1950-х годов не высветил этого имени для потомков. Только 23 февраля 1992 года было вынесено решение о реабилитации У. Гармаева на основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Итак, Уржин Гармаев представляется нам человеком, достигшим больших высот на службе противостоящих нашей стране сил. Это биография активного борца с Советской властью.

Об этом говорят его служба у атамана Семенова, военная деятельность и собственные настроения, которые он не считал нужным скрывать на допросах и в зале судебного заседания. Это обстоятельство еще не означает, что имя может быть вычеркнуто из истории, каким бы нам ни казался ошибочным его путь. Мы должны знать прошлое в самых противоречивых коллизиях. Не только друг, но и честный противник не откажет в уважении к его тени.

Данный очерк – это не более чем воспроизведение еще одного забытого персонажа. Историки, несмотря на свои политические симпатии и антипатии, все чаще стараются описывать политические процессы, оставляя в стороне пристрастие в суждениях, поскольку слишком неприятен опыт постоянного пересмотра поистине «непредсказуемого прошлого» советской истории. Каждый раз из героического прошлого достается такой материал, когда сформировавшийся монблан фактического материала, казалось бы, логично выстроенный в живую ткань исторического повествования, начинает рушиться и выстраивается совершенно в другой плоскости.

Прекрасно наше время для историков, когда в спорах политиков нет победителей, и создается своеобразное положение, когда дворцам нет дела до их постоянной служанки «ее величества истории». Она предоставлена сама себе в бесконечных поисках истины, расширения границ своего творчества. Да, в этом поиске все чаще обнаруживаются новые, но такие знакомые имена. Не наша задача сейчас найти место и определить роль таких людей, как тысячи Мелеховых, в историческом прошлом. Страница происшедшего только приоткрыта для пытливого ума российского ученого. Уже есть большое количество работ по проблемам белой эмиграции в Маньчжурии, выясняется общий фон, на котором проходила драма важных событий. Но еще слишком много неясного для определенного суждения. Иногда создается мнение, что мы находим какие-то новые миры прошлого. Данный очерк – еще не последнее слово, это только открытие нового имени для того, чтобы расширить наше представление о недалеком прошлом России и Бурятии.

Примечания

¹ ЦА ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, л. 5.

² Там же, л. 8.

³ Там же, л. 24.

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Там же, л. 28.

⁶ Там же, л. 29.

⁷ Там же, л. 43.

⁸ Там же, л. 82.

⁹ Там же, л. 81.

¹⁰ Там же, л. 42.

¹¹ Там же, л. 32.

¹² Там же, л. 46.

¹³ Умелое маневрирование политического руководства Монголии в этот период еще не стало предметом специального изучения. На наш взгляд, эти моменты нашли фрагментарное изложение в трудах историков, в частности умелое манипулирование противоречиями между основными мировыми силами. Поэтому обращаем внимание читателя на изучение уголовных дел лидеров панмонгольского движения, арестованных в 1929–1930-х годах, Д. Сампилона, Ц.-Е. Цыдыпова, новые материалы «Ринчино в Монголии», опубликованные к 110-летнему юбилею Э.-Д. Ринчино. Со своей стороны автор также работает над рукописью, которая позволит дополнить историографию новыми документами.

¹⁴ Архив ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, л. 83.

¹⁵ Там же, л. 84.

¹⁶ Архив УФСБ по РБ. Дело Б. Вампилона.

¹⁷ Архив ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, л. 64.

¹⁸ Архив УФСБ по РБ. Дело Дугара Тапхаева, л. 102.

¹⁹ Там же, л. 104.

²⁰ Архив УФСБ по РБ. Дело Д. Сампилона, Ц.-Е. Цыдыпова.

²¹ Сведения сформированы из разных источников, включающих наблюдательные дела управления внешней разведки, и сопоставлены с делами Д. Тапхаева, Ц.-Е. Цыдыпова, Д. Сампилона и др. Должен пояснить, что подавляющее большинство информаторов еще только присматривались к личности У. Гармаева и не давали конкретных оценок его действиям, увязывая развитие событий только в общем ключе развития событий.

²² Архив ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, л. 84.

- 23 Там же, л. 84.
- 24 Там же, л. 42; Дело Д. Тапхаева, л. 112.
- 25 Сапожников Б. Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). – М., 1970.
- 26 Пу-И Г. Первая половина моей жизни / Пер. с кит. – М., 1968.
- 27 Сапожников Б. Г. Указ. соч.
- 28 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. – М., 1963. – Т. 5. Данные уточнены по материалам дела Уржина Гармаева.
- 29 Архив ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, д. 36.
- 30 Там же, л. 48.
- 31 Там же, л. 85.
- 32 Там же, л. 36.
- 33 Там же, л. 36–37.
- 34 Там же, л. 110.
- 35 Там же, л. 83.
- 36 Там же, л. 96.
- 37 Там же, л. 50–51.
- 38 Там же, л. 51.
- 39 Там же, л. 55.
- 40 История...
- 41 Архив ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, л. 53.
- 42 Там же, л. 44.
- 43 Там же, л. 52.
- 44 Там же, л. 56.
- 45 Сапожников Б. Г. Китайский фронт во Второй мировой войне. – М., 1971.
- 46 Сапожников Б. Г. Указ. соч.
- 47 Архив ФСБ РФ. Дело Уржина Гармаева, л. 122.
- 48 Там же, л. 92.
- 49 Там же, л. 93.
- 50 Там же, л. 94.
- 51 Там же, л. 96.
- 52 Там же, л. 107.
- 53 Там же, л. 111.
- 54 Там же, л. 113.
- 55 Там же, л. 122.
- 56 Там же, л. 129.
- 57 Там же, л. 132.
- 58 Там же, л. 137.

Базаров Борис Ванданович

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МАНЬЧЖОУ-ГО
УРЖИН ГАРМАЕВ**

Научно-популярное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Редактор *Г. В. Кашина*

Художник *Л. Р. Андрус*

Верстка и макетирование *О. Ю. Горобец, Н. Д. Жамбаева*

Лицензия ЛР № 040936 от 13.01.99 г.

Подписано в печать 16.02.2001 г. Формат 60×84 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург.
Усл. печ. л. 2,09. Уч.-изд. л. 2,00. Тираж 500. Заказ № 24.

Редакционно-издательский отдел Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.